

ЧАСТЬ 1. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЫ

© Артамонова Ю.Д.¹, © Демчук А.Л.²

Европа в контексте мегатенденций современного мирового развития

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа наиболее значимых мегатенденций мирового развития (усиление конкуренции на мировых рынках; все более строгие требования к «экологичности» товаров и услуг; роботизация и цифровизация производственных процессов; повсеместное внедрение искусственного интеллекта и нейросетей; нарастание темпов урбанизации; требования, связанные с необходимостью сокращения выбросов углерода; ориентация на использование возобновляемых источников энергии; развитие новых транспортных коридоров; активное освоение труднодоступных территорий), а также потенциальных альтернативных сценариев современного мирового экономического, политического и социального развития и роли Европы в контексте происходящих в глобальном масштабе процессов. Анализируются затрагивающие страны Европы ключевые демографические тенденции

¹ Артамонова Юлия Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, Кафедра истории и теории политики, Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (juliaartamonova@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-5629-4771

² Демчук Артур Леонович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой сравнительной политологии, Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН (arthur@leadnet.ru). ORCID: 0000-0002-9285-7823

и сопутствующие им изменения систем здравоохранения и пенсионного обеспечения, последствия изменения климата для Европы, социальные проблемы и рост популизма. Отдельное внимание уделяется глобальному контексту разворачивающихся мегатенденций (фрагментация, формирование многополярного мира, нарастание неопределенности и рисков в системе международных отношений, обострение соперничества государств за ресурсы, кризис сложившихся во второй половине XX в. «правил игры», кризис межгосударственных институтов, создававшихся после Второй мировой войны, снижение уровня доверия). Рассматриваются предлагаемые различными экспертами прогнозы (сценарии) мирового развития и будущего Европы на кратко- и среднесрочную перспективу с учетом подчеркиваемой европейскими авторами необходимости обеспечения европейского стратегического суверенитета («стратегической автономии»).

Ключевые слова: мегатенденции, сценарии мирового развития, Европа, стратегический суверенитет, международные отношения.

Мегатенденции – это «крупномасштабные социальные, экономические, политические, экологические или технологические изменения, которые формируются медленно, но которые, укоренившись, оказывают глубокое и продолжительное влияние на многие (или почти на все) виды человеческой деятельности, а также на многие процессы и их восприятие» [OECD science ... , 2016, p. 21]. При этом отмечаемые мегатенденции взаимосвязаны и во многом взаимообусловлены.

На наш взгляд, наиболее значимыми для современной Европы мегатенденциями мирового экономического, политического и социального развития являются: обострение экономической конкуренции на мировых рынках; роботизация и цифровизация производственных процессов (что, в свою очередь, требует перестройки системы профессиональной подготовки кадров); все более интенсивное применение искусственного интеллекта и нейросетей; все более строгие требования к «экологичности» товаров и услуг (что нередко используется как инструмент борьбы с конкурентами); требования снижения выбросов углерода в свете климатических изменений; ориентация на рациональное устойчивое управление природными ресурсами и возобновляемые источники энергии; нарастание темпов урбанизации; развитие новых транспортных коридоров; активное освоение труднодоступных территорий и поиск путей освоения космического пространства в связи

с загрязнением окружающей природной среды и ограниченностью ресурсов нашей планеты.

Что касается Европы, то большая часть ее потенциала роста связана с услугами и цифровой сферой. Однако, если ЕС хочет сохранить конкурентоспособность, ему придется увеличить инвестиции в исследования и разработки с нынешних 2,03% ВВП хотя бы до 3% (в настоящее время европейские показатели в этой области ниже, чем в Японии (3,29%), Соединенных Штатах (2,79%) и Китае (2,07%)) [Europe 2020 ... , 2018; R&D ... , 2018].

По прогнозам, к 2050 г. численность городского населения земного шара увеличится с нынешних 55% до 68% (примерно на 2,5 млрд человек). Для удовлетворения их потребностей к 2040 г. необходимо будет устранить инфраструктурный дефицит в размере 15 трлн долл. США, что уже сейчас увеличивает спрос на «умные города», экологичные здания и передовые строительные решения [Adarsh, 2025].

Продолжающаяся урбанизация, изменение климата и деградация окружающей среды усугубляют и без того острый дефицит ресурсов. В системах электроснабжения по всей Европе наблюдается более выраженная перегрузка инфраструктуры. Высказываются предположения, что к 2030 г. Евросоюзу придется удвоить свои трансграничные передающие инфраструктурные мощности [Grids ... , 2023]. Изменение погодных условий будет усугублять эти проблемы, нанося ущерб производственным мощностям, снижая их пропускную способность из-за перегрева и увеличивая спрос на электроэнергию за счет отопления и охлаждения. При нормальной работе с такими проблемами можно справиться, однако в периоды пикового спроса они становятся более очевидными [Sherman, Lin, McElroy, 2022]. Климатические изменения будут оказывать влияние и на инфраструктуру водоснабжения и водоотведения, на транспорт и энергетику, что в долгосрочной перспективе может привести к перебоям в работе, заторам и другим системным проблемам в этих областях.

Проявляющиеся в современном мире мегатенденции развиваются на фоне нарастающей неопределенности и новых рисков в международных отношениях, что объективно ограничивает возможности составления долгосрочных прогнозов и сужает горизонт планирования.

В годы пандемии COVID-19 общество совершило поворот от так называемого «постматериализма» обратно к «ценностям

выживания» («экзистенциальной безопасности»): изменилось понимание принципов социальной справедливости, солидарности, равенства и доверия, появилось требование ставить интересы общества и государства (коллективизм, «общество контроля») выше свободы отдельной личности, одновременно изменились взгляды на функции современного государства (пандемия стала серьезным испытанием состоятельности государственных институтов, от которых граждане требуют «прозрачности» и обеспечения своего рода «подушки безопасности», а также способности государств реагировать на чрезвычайные ситуации), упал уровень доверия к национальным правительствам.

Несмотря на многочисленные обещания политиков и официальные решения международных организаций («Цели устойчивого развития» и др.), проблемы искоренения нищеты и преодоления (сокращения) неравенства не теряют своей остроты; неравенство и бедность служат причинами возникновения конфликтов как внутри государств, так и в отношениях между странами.

Разумеется, бедность в Европе отличается от бедности в других странах. Европа в целом богаче большинства стран остального мира, хотя 23,4% населения ЕС по-прежнему находится под угрозой бедности (живет на 60% или менее от среднего национального дохода). В течение последних 15 лет этот показатель оставался более или менее неизменным [Global trends to 2035 ... , 2018]. В то же время, по прогнозам, в 2030 г. ВВП Европы на душу населения вырастет с 37 800 долл. до примерно 50 950 долл. [Luxton, 2016].

Демографические изменения усиливают неравенство между поколениями. С учетом возникновения новых форм занятости (в том числе в рамках корпоративной экономики), эти изменения ставят под угрозу будущую пенсию работников: меньшее количество взносов в пенсионные фонды потенциально может привести к пенсионному кризису, поскольку пенсионные системы и системы социального обеспечения не смогут покрыть увеличивающийся разрыв, если корпоративная экономика продолжит расти [Allchin, 2024]. Все чаще высказываются опасения, связанные с тем, что современные пенсионные системы выстроены по принципам финансовых пирамид, т.е. основаны на постоянном увеличении численности трудоспособного населения, и такое положение дел угрожает самому существованию этих систем. В связи с увеличением относительного числа пожилых людей среди избира-

телей проведение реформ пенсионных систем становится все более сложной задачей, поскольку краткосрочные интересы политиков и долгосрочные интересы общества в данном случае не совпадают.

Старение населения, повышающее нагрузку на пенсионную систему, здравоохранение и социальные службы, в сочетании с увеличением мощности миграционных потоков почти наверняка еще более усугубит неравенство в экономических возможностях жителей ЕС.

По прогнозам, к 2030 г. численность населения Европейского союза (в 27 государствах – членах ЕС) будет составлять от 498 до 529 млн человек (в 2018 г. она составляла 513,8 млн, включая Великобританию), причем возможное увеличение численности населения произойдет лишь при реализации сценария с высокой рождаемостью, что в значительной степени будет зависеть от политики ЕС в этой области [Population trends ... , 2016 ; EU population ... , 2017].

Что же касается продолжительности жизни, то уже сейчас у населения Европы очень хорошие показатели, и можно предположить, что они сохранятся и к 2030 г.: по прогнозам, к тому времени наибольшая продолжительность жизни будет у французских женщин – 88,24 года, а в целом 25,5% европейцев будут старше 65 лет (по сравнению с 19% в 2017 г.) [World population ... , 2017].

В 2030 г. численность рабочей силы в Европе сократится на 2%, несмотря на предположение о незначительном повышении уровня занятости [The 2018 ageing report ... , 2018]. ВВП Евросоюза продолжит умеренно расти, но в то же время европейские расходы на решение проблем, связанных со старением населения, увеличатся на 2%, причем большая часть этих средств будет потрачена не на пенсии, а на здравоохранение и долгосрочный уход [ibid.]. Это означает, что, если удастся «улучшить» процесс старения, то будет возможно сократить расходы. Следовательно, ЕС необходимо не только реформировать пенсионную систему, но и (что, возможно, еще более важно) добиться «здорового» старения на основе здорового образа жизни (доказано, что отказ от курения, нормализация веса, снижение кровяного давления позволяют увеличить продолжительность здоровой жизни на девять лет по сравнению с продолжительностью жизни тех, кто курит, страдает ожирением и имеет высокое кровяное давление [Lifetime risk ... , 2019]). Сегодня же 46% европейцев вообще не занимаются спортом, и только 7% занимаются спортом пять дней в неделю (именно

такое количество занятий, по оценкам ВОЗ, значительно повышает устойчивость человека к заболеваниям и поддерживает сохранность когнитивных способностей [Physical activity ... , 2018]). То же самое касается питания: на данный момент каждый второй европеец страдает избыточным весом или ожирением, по прогнозам, в ближайшие годы это число будет увеличиваться (вместе с сопутствующими заболеваниями – диабет, ишемическая болезнь сердца, инсульт, рак). 18,4% европейцев по-прежнему ежедневно курят. По данным Европейской комиссии, курение остается самым значительным предотвратимым риском для здоровья в ЕС [Tobacco consumption ... , 2019].

Эволюция здравоохранения – переход к активному здравоохранению, поддерживаемый телемедициной и ношением специальных устройств, – превращает медицинскую помощь из эпизодической в непрерывную, персонализированную и профилактическую. Радикальные политические решения в сфере здравоохранения будут иметь не только финансовые, но и политические последствия [World report ... , 2015]. Существуют опасения, что пожилые европейцы станут более консервативными в отношении политики, однако нет никаких фактов, подтверждающих это: напротив, доказано, что электоральное поведение личности формируют не только возраст, но и – в значительной степени – политические события в период ее становления [Ghitza, Gelman, 2014]. Можно даже предположить, что чем дольше живут люди, тем более образованными они становятся по мере накопления знаний, а также, возможно, более критичными в том, что касается восприятия популистских лозунгов.

Изменение климата, растущий дефицит ресурсов и, как следствие, «климатические беженцы» окажутся в ряду наиболее значимых глобальных проблем. Помимо физических ресурсов (продовольствие, вода, энергия, земля) по мере развития вышеуказанных мегатенденций, действующих друг на друга, время также может оказаться ресурсом, которого становится все меньше в процессе постоянного увеличения сложности и срочности задач. В условиях, когда более уязвимые страны все чаще обращаются к «развитому» миру за защитой и компенсацией, растущее число «климатических беженцев» будет огромным бременем для Европы. Весьма актуальным станет поиск «уровней достаточности», на которых можно будет достичь баланса численности населения и систем его поддержки с адекватным уровнем потребления, обес-

печивающим высокое качество жизни без нарушения «несущей способности» экосистем [Jungell-Michelsson, Heikkurinen, 2022].

Однако, несмотря на многолетние рассуждения об экологических проблемах, природоохранная повестка в Европе по-прежнему «отодвигается» на второй план (сейчас речь уже всерьез идет об использовании ископаемого и древесного топлива для генерации электроэнергии и отопления жилых домов). И хотя прогнозируется, что к 2030 г. Европа будет получать 32% энергии из возобновляемых источников, этого явно недостаточно для снижения температуры в глобальном масштабе [10 trends ..., 2018].

В странах Европы нарастает разрыв между требованиями граждан и способностью правительства и бизнеса удовлетворять эти требования. Европейское общество становится все более разобщенным, внутренние «расколы» усугубляются, нарастает социальная напряженность, внутриполитические решения становятся все более противоречивыми. В контексте нарастания неопределенности усиливаются национализм и религиозный фундаментализм, все более популярными становятся лозунги и идеи правого популизма.

В течение двух последних десятилетий симпатии к популистской повестке, как и растущее неприятие (либеральных) элит со стороны европейских граждан неуклонно усиливались. Сегодня это становится поводом для беспокойства по поводу социальной стабильности. Однако популизм¹, который, как иногда кажется, возникает «ни с того ни с сего», «как гром среди ясного неба», периодически проявлялся в европейских странах уже с конца XVIII в. И хотя некоторые антисистемные движения использовали популистские методы для свержения демократий в Германии или Италии, большинство популистов не стремились изменить политическую систему (или не преуспели в этом). Подавляющее большинство «популистских волн», поднимавшихся в Европе и Соединенных Штатах в XIX и XX вв., рассеялись, как только проблемы, к которым они стремились привлечь внимание, были решены с помощью экономических и политических реформ.

Тем не менее в настоящее время технологический прогресс, усиление влияния новых систем управления, изменение парадигмы безопасности во все большей степени способствуют тому, что

¹ Мы называем популистскими «партии и политиков, которые утверждают, что представляют истинную волю объединенного народа против внутренних элит» (подробнее см.: [Eiermann, Mounk, Gultchin, 2017]).

проводить различие между реальными и фейковыми новостями становится всё сложнее; это приводит к распространению дезинформации, возникновению недоверия и ощущению отсутствия безопасности, что, по мнению западных аналитиков, создает дополнительные угрозы для демократии [Vaccari, Chadwick, 2020]. В любом случае несомненно, что восприятие реальности будет делаться все более субъективным и многообразным. Появятся конкурирующие нарративы техноутопического и антиутопического плана, поскольку новые технологии создают как новые возможности, так и новые угрозы. Следствием уже существующей изоляции, депрессии и одиночества граждан может стать возникновение параллельных обществ в цифровом мире, умышленно настроенных на социальную отстраненность от реальности при помощи алгоритмических фильтров-«пузьрей», ограничивающих кругозор пользователей [Information, doubt ... , 2023]. В настоящее время в ЕС разрабатываются и постепенно вступают в силу новые законы, предписывающие маркировать «искусственно созданные» (фейковые) фотографии и видеоролики как таковые, но создатели фейков пока безнаказанно игнорируют эти правила. В будущем проверка релевантности источника или достоверности материала наверняка станет огромной технической и социальной проблемой. Возможно, эту проблему удастся решить за счет диверсификации образования и усвоения знаний, которые позволят молодому поколению научиться лучше распознавать дезинформацию и искусственно созданный контент, а старшему поколению – приобрести эту способность. Некоторые технологические достижения уже позволяют успешно выявлять фейковый контент и потенциально вводящую в заблуждение информацию, однако в области таких технологий идет постоянная «гонка вооружений» между теми, кто создает фейки, и теми, кто пытается их обнаружить.

Современные государства и международная система в целом также пытаются адаптироваться ко все более ускоряющимся изменениям.

В международных отношениях обостряется соперничество и разворачивается борьба за экологические и энергетические ресурсы, необходимые для развития современных отраслей экономики и в целом для поддержания жизни. При этом Европа постепенно утрачивает свои «сырьевые позиции» в Африке и частично в Латинской Америке, а потому пытается изыскивать ресурсы в других регионах мира. Одной из таких попыток можно считать идею о

присоединении Украины к ЕС (или, по крайней мере, к его рынку). Другое направление поиска ресурсов – Арктика. В этом регионе пересекаются интересы как многих европейских стран, так и России, Канады, Соединенных Штатов, а теперь и Китая. Одним из основных вопросов, связанных с добычей ресурсов в Арктике, в настоящее время является вопрос об использовании Северного морского пути.

Эпоха отсутствия больших межгосударственных войн прошла. Риски возникновения подобных войн возрастают, более того, – такие конфликты уже идут. Основные причины увеличения военных рисков – растущая нехватка ресурсов, необходимых для поддержания высокого уровня жизни, рас пространение военных технологий, вмешательство негосударственных акторов в мировую политику, усложнение конфигурации сдерживания, которое уже не исчерпывается двусторонней моделью. Новые межгосударственные конфликты принимают новые формы. Наблюдается эволюция классического военного противостояния, которое возвращается от модели «избиения младенцев», т.е. использования высокотехнологичного оружия против слабо вооруженных формирований на далеких театрах военных действий, к «настоящей» большой войне между примерно равными соперниками. Наряду с ведением классических военных действий во все возрастающих масштабах применяются экономические инструменты давления, выходящие далеко за рамки того, что считалось «приличным» во времена холодной войны, используются прокси-акторы, частные военные компании и разного рода вооруженные формирования, террористы и террористические методы. Некоторые политики достаточно свободно обсуждают даже возможность применения ядерного оружия.

В нынешних международных отношениях также можно выделить несколько устойчивых мегатенденций.

После Второй мировой войны и в ходе холодной войны в мире сложились определенные «правила игры», которые, по большей части, соблюдались соперничавшими сторонами. После раз渲ла СССР и социалистического лагеря, эти правила подверглись одностороннему пересмотру. Окончательный перелом произошел после операции НАТО против Югославии: «коллективный Запад» перестал признавать любые ограничения, как правовые, так и моральные. Механизмы, исторически обеспечивавшие ограничение агрессии, были «сданы в утиль». Международное право больше

ничего не значит; лидеры ряда стран открыто признаются в нарушении международных договоров, подкрепленных резолюциями СБ ООН.

Международные институты, созданные по итогам Второй мировой войны, потеряли свою эффективность, а во многом и легитимность. Резолюции СБ ООН де-факто больше не являются обязательными к исполнению, а соглашения ВТО вообще, кажется, никого не интересуют. Государства, которые вошли в ООН или в ЕС после их создания и были вынуждены принять выработанные ранее и без их участия «правила игры», высказывают обоснованные сомнения в легитимности таких правил.

В последнее время значительно возросло влияние на международные отношения и внутреннюю политику государств иных, негосударственных сил – транснациональных корпораций, неправительственных (некоммерческих) организаций, религиозных организаций. Новые акторы все более активно выступают на международной арене и порой становятся не менее влиятельными, чем государства (структуры «Фонда Сороса», например). В их распоряжении имеются существенные ресурсы, финансовые и человеческие, они создают собственные сетевые структуры взаимодействия; в зависимости от поставленной задачи они могут либо соперничать с государствами, либо содействовать им.

Крупные мировые державы прагматично (или, другими словами, – беспринципно) относятся к международным институтам: мы были свидетелями демонстративного выхода США из некоторых международных организаций (например, ЮНЕСКО) и договоров (например, Парижского соглашения по климату или Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы), которые они сочли невыгодными для себя. Страны – участницы Европейского союза, накопившие собственный опыт проведения активной внешней политики, тем не менее следуют общей политике «коллективного Запада», так как отклонение от этой линии чревато возникновением очевидных трудностей.

Глобальные межгосударственные институты, которые когда-то были фундаментом международного порядка (прежде всего – ООН, Международный валютный фонд, Всемирный банк и ВТО) растеряли авторитет и влияние, что в дальнейшем вполне может привести к их исчезновению. Все больше стран предпочитают формировать открытые (или закрытые) интеграционные объеди-

нения, группировки, клубы (такие, например, как БРИКС, QUAD, AUKUS) и взаимодействовать преимущественно в рамках полу-глобальных и региональных объединений (например, таких как Шанхайская организация сотрудничества или Африканский союз).

В межправительственных и иных международных организациях все более явственно проявляется кризис системы голосования, предусматривающей принятие решения большинством голосов. Впервые эта проблема достаточно ярко обнаружилась в рамках ВТО, теперь она проявляется и в других международных институтах. Все больше международных акторов призывают пересмотреть принцип единогласия пяти постоянных членов Совета безопасности ООН при принятии решений, обеспечивавший устойчивость ООН в течение многих десятилетий. В то же время в академической среде все большую поддержку обретает идея об отмене «традиционной» парламентской демократии, основанной на «правиле большинства», и замене ее делиберативной моделью демократии, в основе которой лежит поиск согласия (консенсуса) всех заинтересованных сторон.

Наряду с подчеркнутым реализмом в поведении отдельных крупных держав (исполняются только те международные договоры, которые в данной момент выгодны) в международных отношениях наблюдается новая реидеологизация (но не по модели холодной войны, а по линиям «расколов» – либерализм / государственность / глобализм): без всякой рефлексии применяются «двойные стандарты», усиливается моральный релятивизм (по принципу «это – другое»), усугубляется идеологическая поляризация, а «демонизация» противников (чем занимаются все вовлеченные в конфликт стороны) обретает беспрецедентные масштабы.

В Европе постепенно появляются признаки становления «анонимной диктатуры»¹, формирование которой началось в эпоху внедрения «политкорректности». Нейтральность и объективность осуждаются, от каждого требуют «определиться»: вы с нами или против нас? Политики и политические силы делятся на «своих» и «врагов», а современный мир (в том числе Европа) предстает как поле сражения «добра» со «злом» [Артамонова, Демчук, 2002], – экзистенциальной битвы, где оправданно применение любых методов и средств.

¹ Термин предложил российский писатель Виктор Пелевин [Пелевин, 2006].

В новых условиях важнейшим фактором, способствующим достижению поставленных целей, становится тотальный контроль над информацией и превращение информации в инструмент насилия. Если раньше информационные кампании проводились лишь в рамках СМИ, то сегодня они ведутся везде, и повсеместное применение структурного и культурно-информационного насилия (так называемой «мягкой» силы [Galtung, 1969]) становится нормой. Помимо технологий «демонизации агрессора», используются приемы «конструирования жертвы», направленные на то, чтобы пробудить симпатию к «жертве», ненависть к врагу-«злодею» и стремление «наказать» его.

Еще одной существенной проблемой международной системы стал недостаток взаимного доверия. Договоры нарушаются, обещания не выполняются, публичная ложь никого не смущает. Окончание холодной войны не привело к завершению противостояния отдельных государств и блоков; более того, выяснилось, что у холодной войны существовали не только идеологические, но и геополитические причины, – и геополитические причины никуда не делись. Присущие международной системе риски не исчезли, внешнеполитические решения по-прежнему принимаются под влиянием страха в условиях неопределенности, что побуждает политиков действовать, исходя из наихудшего возможного сценария [Axelrod, 1984].

В целом международная система становится все более фрагментированной (раздробленной) и в конечном итоге может выйти из равновесия.

Как и в межвоенный период, мир подошел к определенному пределу интеграции, и процесс глобализации в том виде, в каком он задумывался сорок лет назад, замедлился, остановился, а порой повернулся вспять. В Европе замедление интеграционных процессов знаменовалось, прежде всего, провалом принятия «европейской конституции» и выходом Великобритании из ЕС (Брекзитом).

В мире появились новые разделительные линии, мир делится на торговые и технологические блоки, а в недалеком будущем может разделиться и на валютные зоны. Формируются глобальные экономические и военно-политические блоки («коллективный Запад», Евразия, БРИКС, «мировое большинство», «Глобальный Юг»), перестраивается мировая логистика, выстраиваются новые, альтернативные прежним, институты, отвечающие за международные валютные отношения, торговлю, ценообразование, страхо-

вание и проч. Происходит пока еще малозаметная деглобализация, «анклавизация», международное сообщество «переформатируется» в «мир регионов» – или в «мир цивилизаций», но объединенных не религией, как полагал в свое время С. Хантингтон [Хантингтон, 2021], а культурными установками и ценностями, общими представлениями о справедливости.

«Западоцентрическая» международная система распадается не только под давлением внешних по отношению к ней сил, но и в силу растущих внутренних противоречий. Многополярность или даже «бесполярность», приходит на смену однополярной модели, просуществовавшей совсем недолго.

В нынешних условиях само пространство начинает выглядеть по-другому. Военные меряют пространство временем подлета ракет, бизнесмены и экономисты работают с логистикой, транспортными коридорами, нефте- и газопроводами, культурное и цивилизационное пространство на тех или иных территориях определяется степенью влияния определенных ценностей, а также динамикой их распространения и способностью охватить большие массы людей.

В своих внешнеполитических стратегиях государства возвращаются к политическому реализму в его классическом понимании [Morgenthau, 1949], и одновременно, несмотря на сложность долгосрочного прогнозирования мирового развития в условиях глобальной неопределенности, предпринимаются попытки рассмотреть возможные сценарии будущего.

В связи с этим стоит подробно остановиться на докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции до 2040 г.: более конкурентный мир» [Global trends 2040 ... , 2021], гделагаются пять сценариев развития мира, в том числе и Европы.

Идеальным сценарием, по мнению авторов доклада, стало бы так называемое «Возрождение демократий» (англ. «Renaissance of democracies»): в этом случае «открытые демократии во главе с Соединенными Штатами и их союзниками» переживут «второе рождение» (хотя не совсем понятно, в чем это должно выражаться), глобализация продолжится на основе дальнейшего развития технологий, расширится частно-государственное партнерство, улучшится качество жизни множества людей по всему миру, а Россия и Китай с их авторитарными режимами придут в упадок, поскольку политические системы этих стран блокируют инновации и изго-

няют инноваторов в эмиграцию. Социальные конфликты в демократическом мире будут слажены, а доверие к демократическим институтам возрастет [Global trends 2040 … , 2021, р. 110–111]. Это сценарий торжества западного демократического мира, т.е. возврата к глобальному доминированию «коллективного Запада».

Несколько менее оптимистичная для Запада картина изображена во втором сценарии – «Мир без руля и ветрил» (англ. «A world adrift»). Этот мир будет политически разделен и почти не будет расти экономически. Неравенство доходов будет нарастать, международные институты окончательно потеряют свое влияние и возможность играть системообразующую роль. Социалистический Китай сохранит позиции в качестве ведущей мировой державы и даже усилит свое влияние, но не сможет стать мировым гегемоном, поскольку ему не хватит «воли и военной мощи, чтобы взять на себя глобальное лидерство, и он будет оставлять без внимания многие глобальные проблемы, такие как изменение климата и нестабильность в развивающихся странах» [ibid., р. 112–113]. В таком мире Европе придется действовать самостоятельно, на свой страх и риск, не рассчитывая на поддержку идеологических и ценностных союзников.

Третий предложенный сценарий называется «Конкурентное сосуществование» (англ. «Competitive coexistence»). В этом случае основой мировой системы станет «новая bipolarность»: вновь сформируется биполярный мир, и его полюсами станут Китай и США. Они будут торговаться между собой, хотя и с ограничениями, но вместе с тем – конкурировать за влияние, технологическое доминирование, распространение своей модели развития на новые территории и страны. Открытой войны между ними, однако, не предвидится. Две сверхдержавы будут уделять должное внимание некоторым глобальным проблемам, а другим – таким как изменение климата – нет. «Конкурентное сосуществование» в такой картине мира представляет собой баланс экономической мощи между «коллективным Западом» и Китаем, когда каждая сторона осознает необходимость сотрудничества по ряду проблем, прежде всего – по торговым вопросам [ibid., р. 114–115]. В рамках такого сценария Европа останется в орбите США и «коллективного Запада», но в подчиненном статусе.

Четвертый сценарий – «Глобальная разобщенность» или, буквально, «Отдельные бункеры» (англ. «Separate silos»), – рисует мир, в котором существует целый ряд экономических и военно-

политических объединений различного размера и мощи («бункеров»), ориентирующихся на США, Китай, Европейский союз, Россию и ряд других региональных держав. Слабым странам тяжело существовать в таком мире: некоторым из них грозит «превращение в несостоятельные государства» [Global trends 2040 ... , 2021, р. 116–117]. В описанной ситуации многие глобальные проблемы, например, связанные с изменением климата, не решаются. Данный сценарий изображает мир в виде «самоизолировавшихся» политических объединений и государств, ориентирующихся на самодостаточность, с минимальным включением в глобальные логистические цепочки поставок. В этом сценарии Европе также отведено место в одном «бункере» с США и прочими западными союзниками.

И, наконец, самый пессимистичный пятый сценарий – «Трагедия и мобилизация» (англ. «Tragedy and mobilization») – вначале предрекает глобальную продовольственную катастрофу, порожденную изменением климата, а впоследствии – возобновление сотрудничества государств, вызванное необходимостью вырабатывать и реализовывать согласованные ответные меры и восстанавливать деятельность международных институтов. «Богатые» страны окажут помочь «бедным» и «на основе новых высоких технологий» займутся решением глобальных проблем (в том числе – связанных с изменением климата) [ibid., р. 118–119]. Характерно, что именно при реализации такого катастрофического сценария компетенции Европы, скорее всего, окажутся востребованными, а ее экономический и научно-технический потенциал будет реализован в полной мере.

Европейские аналитики и эксперты, дающие различные прогнозы касательно перспектив развития Европы в контексте мировых мегатенденций, сходятся в том, что следующее десятилетие будет определяющим для ее будущего и ее роли в мире. Трансформация экономических моделей и самой структуры общества, новые виды использования технологий (и новые возможности злоупотребления ими), контрастные демографические тенденции, всевозрастающее воздействие человечества на окружающую среду дают основания полагать, что мир движется к возникновению новой геополитической и геоэкономической модели, к новому технологическому порядку.

Большую озабоченность европейских ученых вызывает рост «уязвимости» европейских стран, т.е. уменьшение их способности противостоять внешнему давлению, что ставит под угрозу их су-

веренитет. Европа утрачивает былой статус одного из крупнейших «центров силы» в формирующемся многополярном мире. Как отмечает целый ряд европейских авторов, европейцы во все большей степени осознают «уязвимость» различных секторов европейской экономики. Вторичные санкции со стороны США, иностранные инвестиции в стратегически важные отрасли экономики Европы, сохраняющаяся энергетическая зависимость от третьих стран, политическое вмешательство в общественные дебаты – это лишь некоторые факторы, подрывающие возможности ЕС по принятию стратегических решений и ограничивающие его свободу действий [Leonard, Shapiro, 2019]. Большинство аналитиков, в том числе и в Европе, более не поддерживают концепцию получения всеобщей пользы от процессов глобализации. Многие западные специалисты высказывают обоснованную озабоченность по поводу «давления» на глобальную систему со стороны успешной китайской модели современного государственного капитализма через закрытые рынки, субсидируемое государством производство и другие протекционистские меры.

Европейский союз долгое время считал, что процессы глобализации сами собой создадут и будут поддерживать функциональную основу международных экономических отношений, рассматривая глобализацию в отрыве от сферы geopolитики и безопасности. Нынешнее обострение геополитической конкуренции, особенно между КНР и США, свидетельствует о том, что геоэкономика и geopolитика больше не могут рассматриваться как отдельные друг от друга сферы.

По мнению некоторых экспертов, Европейский союз должен разработать и утвердить программу обеспечения собственного экономического суверенитета для решения таких фундаментальных задач, как укрепление европейской исследовательской и научно-технической базы, укрепление европейской финансовой и валютной автономии, защита критически важных для обеспечения национальной безопасности экономических активов от иностранного вмешательства, обеспечение равных условий конкуренции. Возможно, для этого придется существенно изменить политику ЕС в области конкуренции, усовершенствовать механизмы ее контроля и государственной помощи, выработать новый скоординированный подход к мониторингу иностранных инвестиций, деятельности многосторонних экономических институтов и европейских банков развития, а также приложить усилия по повышению роли

евро как международной валюты. При этом, реализуя меры по достижению своего стратегического суверенитета, Европа, прежде всего, не должна допустить возникновение «разрыва» в трансатлантическом альянсе в области безопасности, но одновременно (и по возможности действуя так, чтобы избежать обвинений в неэффективной трате ресурсов, дублировании действий США и подрыве НАТО) – должна прилагать усилия по устранению «уязвимостей», которые могут возникнуть при частичном (или даже полном) отказе США от обеспечения гарантий безопасности европейских союзников [Leonard, Shapiro, 2019].

«Стратегическая автономия» Европы подразумевает ее внешнеполитическую самостоятельность в отношениях со всеми странами, даже если для этого придется «освободиться» от концепции взаимозависимого мира, созданию и воплощению которой Европа так активно способствовала в последние несколько десятилетий. В самом ближайшем будущем Европе придется искать собственные эффективные ответы на внутренние и международные вызовы, опираясь на накопленные человеческие (интеллектуальные), экономические и другие ресурсы.

Литература / References

Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. (2002). Постмодерн или постмодернизация? (Опыты концептуализации ценностных изменений) // Политическая наука / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 8–24 [Artamonova Yu.D., Demchuk A.L. (2002). Postmodernity or postmodernization? (Experiences of conceptualizing value changes) *[Postmodern ili postmodernizatsiya? (Opyty kontseptualizatsii tsennostnykh izmenenii)]* // Political science. / RAN, INION. – Moscow. – N 2. – P. 8–24]. (In Russian).

Пелевин В.О. (2006). Ампир «В». – Москва : Эксмо. – 408 с. [Pelevin V. (2006). Empire V *[Ampir V]*. – Moscow : Eksmo. – 408 p.]. (In Russian).

Хантингтон С. (2021). Столкновение цивилизаций. – Москва. – 640 с. [Huntington S. (2021). Clash of civilizations *[Stolknovenie tsivilizatsii]*. – Moscow. – 640 p.]. (In Russian).

10 trends reshaping climate and energy. (2018) / European Commission. – Brussels. – 22 p. – URL: https://web.archive.org/web/20190527202641/https://ec.europa.eu/epsc/sites/epsc/files/epsc_-_10_trends_transforming_climate_and_energy.pdf (date of access: 12.12.2025).

Adarsh R. (2025). Top 12 global megatrends (2026–2030) : the forces driving tomorrow's business decisions // StartUs Insights. – Vienna. – 16.07. – URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/global-megatrends-full-guide> (date of access: 12.12.2025).

Allchin L. (2024). The gig economy and the looming retirement crisis // RFI Global. – London. – 16.10. – URL: <https://rfi.global/the-gig-economy-and-the-looming-retirement-crisis/> (date of access: 12.12.2025).

- Axelrod R. (1984). The evolution of cooperation. – New York : Basic Books. – 242 p.
- Eiermann M., Mounk Y., Gultchin L. (2017). European populism : trends, threats and future prospects / Tony Blair Institute for Global Change. – London. – 29.12. – 64 p. – URL: <https://institute.global/insights/geopolitics-and-security/european-populism-trends-threats-and-future-prospects> (date of access: 12.12.2025).
- EU population up to almost 512 million at 1 January 2017. (2017) / Eurostat. – Luxembourg. – 10.07. – 5 p. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/8102195/3-10072017-AP-EN.pdf> (date of access: 12.12.2025).
- Europe 2020 indicators – R&D and innovation. (2018) / Eurostat. – Luxembourg. – URL: https://web.archive.org/web/20180802031802/http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Europe_2020_indicators_-_R%26D_and_innovation (date of access: 12.12.2025).
- Galtung J. (1969). Violence, peace, and peace research // J. of peace research. – Thousand Oaks, CA : Sage Publishing. – Vol. 6, Issue 3. – P. 167–191.
- Ghitza Y., Gelman A. (2014). The great society, Reagan's revolution and generations of presidential voting / Columbia univ. – New York. – 14.06. – 25 p. – URL: http://www.stat.columbia.edu/~gelman/research/unpublished/cohort_voting_20140605.pdf (date of access: 12.12.2025).
- Global trends 2040 : a more contested world. (2021) / National Intelligence Council. – Washington, D.C. – 156 p. – URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (date of access: 12.12.2025).
- Global trends to 2035 : economy and society. (2018) / European Parliament. – Strasbourg. – 160 p. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627126/EPRS_STU\(2018\)627126_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627126/EPRS_STU(2018)627126_EN.pdf) (date of access: 12.12.2025).
- Grids, the missing link : an EU action plan for grids. (2023) / European Commission. – Brussels. – 28.11. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2023:757:FIN> (date of access: 12.12.2025).
- Information, doubt, and democracy : how digitization spurs democratic decay. (2023) / Maati A., Edel M., Saglam K., Schlumberger O., Sirikupt C. // Democratization. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – 07.07. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2023.2234831#d1e204> (date of access: 12.12.2025).
- Jungell-Michelsson J., Heikkurinen P. (2022). Sufficiency : a systematic literature review // Ecological Economics. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 195. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800922000428?via%3Dihub> (date of access: 12.12.2025).
- Leonard M., Shapiro J. (2019). Empowering EU member states with strategic sovereignty / European Council on Foreign Relations. – Berlin. – 10 p. – URL: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/1_Empowering_EU_member_states_with_strategic_sovereignty.pdf (date of access: 12.12.2025).
- Lifetime risk and multimorbidity of non-communicable diseases and disease-free life expectancy in the general population : a population-based cohort study. (2019) / Licher S., Heshmatollah A., van der Willik K.D., Stricker B.H.Ch., Ruiter R., de Roos E.W., Lahousse L., Koudstaal P.J., Hofman A., Fani L., Brusselle G.G.O., Bos D., Arshi B., Kavousi M., Leening M.J.G., Ikram M.K., Ikram M.A. // PLOS Medicine. – San Fran-

cisco, CA. – 04.02. – URL: <https://journals.plos.org/plosmedicine/article?id=10.1371/journal.pmed.1002741> (date of access: 12.12.2025).

Luxton E. (2016). What will global GDP look like in 2030? / World Economic Forum. – Cologny. – 25.02. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/02/what-will-global-gdp-look-like-in-2030/> (date of access: 12.12.2025).

Morgenthau H.J. (1949). Politics among nations : the struggle for power and peace. – New York : Alfred A. Knopf. – 650 p.

OECD science, technology and innovation outlook 2016. (2016) / OECD. – Paris. – 196 p. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2016/12/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2016_g1g6dae9/sti_in_outlook-2016-en.pdf (date of access: 12.12.2025).

Physical activity factsheets for the 28 European Union member states of the WHO European region. (2018) / World Health Organisation. – Geneva. – 14.10. – URL: <https://www.who.int/europe/publications/item/EUR-RC71-R14> (date of access: 12.12.2025).

Population trends 1950 – 2100 : globally and within Europe. (2016) / European Environment Agency. – Copenhagen. – 17.10. – URL: <https://web.archive.org/web/20230516204416/https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/total-population-outlook-from-unstat-3-assessment-1/> (date of access: 12.12.2025).

R&D expenditure. (2018) / Eurostat. – Luxembourg. – URL: https://web.archive.org/web/20180620174748/http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R_%26_D_expenditure (date of access: 12.12.2025).

Sherman P., Lin H. McElroy M. (2022). Projected global demand for air conditioning associated with extreme heat and implications for electricity grids in poorer countries // Energy and Buildings. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 268. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378778822003693?via%3Dihub> (date of access: 12.12.2025).

The 2018 ageing report : economic and budgetary projections for the 28 EU member states (2016 – 2070). (2018) / European Commission. – Brussels. – 25.05. – 406 p. – URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/publications/2018-ageing-report-economic-and-budgetary-projections-eu-member-states-2016-2070_en (date of access: 12.12.2025).

Tobacco consumption statistics. (2019) / Eurostat. – Luxembourg. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Tobacco_consumption_statistics (date of access: 12.12.2025).

Vaccari C., Chadwick A. (2020). Deepfakes and disinformation : exploring the impact of synthetic political video on deception, uncertainty, and trust in news // Social Media + Society. – Thousand Oaks, CA : Sage Publishing. – 19.02. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305120903408> (date of access: 12.12.2025).

World population prospects : key findings and advance tables. (2017) / UN. – New York. – 46 p. – URL: https://web.archive.org/web/20170630183759/https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (date of access: 12.12.2025).

World report on ageing and health. (2015) / World Health Organisation. – Geneva. – URL: <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/5174879e-b0dc-43fc-b3a8-b1db31c51d4c/content> (date of access: 12.12.2025).

© Artamonova Yu.D.¹, © Demchuk A.L.²

Europe in the context of megatrends of modern world development

Abstract. The article attempts to analyze the most significant megatrends of global development (increasing competition in global markets; increasingly stringent requirements for the «environmental friendliness» of goods and services; robotization and digitalization of production processes; widespread implementation of artificial intelligence and neural networks; increasing rates of urbanization; requirements for reducing carbon emissions; focus on the use of renewable energy sources; development of new transport corridors; active exploration of hard-to-reach territories), as well as potential alternative scenarios for global economic, political and social development and the role of Europe in the context of ongoing global processes. The article examines key demographic trends affecting European countries and the related changes in healthcare and pension systems, the impact of climate change on Europe, social problems and the growth of populism. Special attention is paid to the global context of the unfolding megatrends (fragmentation, the formation of a multipolar world, increasing uncertainty and risks in the system of international relations, intensifying competition between states for resources, the crisis of the «rules of the game» that developed in the second half of the 20th century, the crisis of interstate institutions created after World War II, and a decline in the level of trust). The forecasts (scenarios) of global development and the future of Europe in the short and medium terms, proposed by various experts, are also considered, taking into account the need to ensure European strategic sovereignty («strategic autonomy»), emphasized by European authors.

Keywords: megatrends, scenarios of global development, Europe, strategic sovereignty, international relations.

Статья поступила в редакцию (Received) 19.11.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 24.11.2025

Принята к публикации (Accepted) 28.11.2025

¹ **Artamonova Yulia Dmitrievna** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (juliaartamonova@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-5629-4771

² **Demchuk Artur Leonovich** – ScD in Political Sciences, Head of Department of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies RAS (arthur@leadnet.ru). ORCID: 0000-0002-9285-7823